

ка. Таким образом, прагматически сленг и поэзия работают в диаметрально противоположных направлениях.

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
И ИХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ**

Сердюкова Д.А.

*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола,
e-mail: SerdyukovaDaria@rambler.ru*

В современной лингвистике акцент сделан на изучение текста в его взаимосвязях и взаимодействиях с другими текстами внутри единого интертекстуального пространства. Согласно последним лингвистическим исследованиям, интертекстуальность свойственна каждому тексту. Текст неоднороден и нецелостен, он функционирует в окружении других текстов, взаимодействует с ними, включает в себя отпечатки более ранних произведений и включается в произведения других авторов по их воле или неосознанно с их стороны [4]. Упоминания названий книг, имен, проблем, героев художественного наследия предшественников и современников, творчески используемые концепты, элементы национальной и мировой художественной культуры способны создавать особые предметно-смысловые пласты художественных текстов. Восприятие текста зависит от энциклопедии читателя, т. е. его понятийного мира, его знаний о мире, сформировавшихся на основе определенного языка в определенном культурном пространстве [2].

Термин «интертекстуальность» был введен французским постструктуралистом, ученицей Ролана Барта Юлией Кристевой, в 1967 году и стал затем, как пишет И.П. Ильин, одним из основных принципов постмодернистской критики [6]. По мнению Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста», является реакцией и насыщен постоянными ссылками на предшествующие тексты. Вновь созданный текст, в свою очередь, составляет основу будущих текстов [7].

Ставшее для большинства западных теоретиков каноническим определение интертекстуальности Ролана Барта может более наглядно представить ситуацию: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат». Барта не интересуют источники происхождения текста, его интересует текст лишь как результат процесса диалога текстов [1].

Нужно отметить, что не все западные ученые разделяют взгляды постструктуралистов на интертекстуальность. Интертекстуальность может также быть рассмотрена как факт соприсутствия в одном тексте двух или более текстов, реализующийся в таких приемах, как цитата, аллюзия, плагиат и др. [5]. Н. Пьегро определяет интертекстуальность как «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением in absentia (например, в случае аллюзии) или in praesentia (как в случае цитаты)» [8].

Рассматривая вопросы передачи интертекстуальных связей при переводе, Л.Б. Бойко утверждает,

что интертекст чаще всего становится почти непреодолимой проблемой для переводчика. Не соглашаясь с принципом тотальной переводимости, автор упоминает методы компенсации и замены, позволяющие найти наилучший вариант передачи интертекста. Главное препятствие состоит в том, что переводить с одного языка на другой приходится для чужой отнесенности оригинала культуры, отсюда следует, что национально-прецедентные тексты приведут к непониманию текста иноязычным реципиентом, отмечая также, что аллюзивность становится масштабной и новые смыслы генерируются на уровне целого текста или отрезка текста [3].

Л.Б. Бойко признает тщетность попыток переводчиков преодолеть культурные барьеры, констатируя потери при переводе, а также называет выявление некоторых закономерностей в установлении культурных параллелей одной из целей исследования интертекста в аспекте перевода. Это позволит определиться с выбором стратегии перевода в зависимости от типа прототекста. Иными словами, это тот же процесс минимизации смыслов с целью обнаружить то типическое (прототипическое), что позволит отыскать аналог прецедентного феномена в переводящей культуре. Применение этой стратегии возможно только в тех случаях, когда интертекстуальный фрагмент основан на универсально прецедентном феномене (теме, ситуации), обладающем одинаковым или схожим эмоционально-оценочным компонентом в переводной и переводящей культурах.

Среди продуктивных приемов перевода интертекстуальных фрагментов выделяются адаптация и остранение. Автор указывает на право переводчика на применение таких макростратегий, как стратегия кооперации (концептуальное сотрудничество с автором оригинала), стратегии аналогии и стилизации (достижение функционально-эстетической аналогии перевода оригиналу), а также стратегии пертинентности и тесно связанных с ней стратегий разъяснения и аппроксимации; стратегии креативности и даже стратегии конкурентности. С помощью этих стратегий переводчик пытается прорваться через лингвокультурные барьеры к иноязычному сознанию.

На настоящий момент в лингвистике и литературоведении многое сделано по изучению понятия «интертекстуальность». Однако остаются дискуссионными и требуют уточнения многие положения и понятия. Дальнейшее изучение этого сложного феномена имеет большую значимость для развития филологии, литературоведения и культурологии. Всесторонний анализ интертекстуальности, ее функций, способов актуализации этой категории в разных функциональных стилях и жанрах позволил бы существенно углубить представление о ее текстообразующей значимости для текстов различной стилиевой принадлежности.

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту / Р.Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М., 1989. – С. 417-418.
2. Баширова Н.З. Интертексты в современных английских газетных статьях (на материале произведений В. Шекспира) // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 168-172.
3. Бойко Л.Б. К вопросу о переводе интертекста / Л.Б. Бойко // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – Калининград, 2006. – Вып.2: сер. Филологические науки. – С. 52-59.
4. Дементьева И.Е. Интертекстуальность и устойчивые элементы текста. – ТГУ, 2003. – С. 67.
5. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. – М.: Наука, 1989. – С. 213
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин; науч. ред. А.Е. Махов. – М.: Интрада, 1996. – С. 225.
7. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 428-431.

8. Косиков Г.К. Текст / Интертекст / Интертекстология // Пьегро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова; пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.Н. Нарумова, В.Ю. Лукасик. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 8-42.

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ В ТРАДИЦИОННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ NURSERY RHYMES)

Субаева А.Р.

ФБГОУ ВПО «Марийский государственный университет», Йошкар-Ола, e-mail: S-A-R5@yandex.ru

Звукоизобразительность является одним из предметов фоносемантики – новой, активно развивающейся в последние десятилетия лингвистической дисциплины, изучающей связь между звуком и значением. Звукоизобразительность характерна поэтическому тексту, и особенно ярко она проявляется в детской поэзии, так как именно для детей свойственно установление связи означаемого (предмета) и означающего (слова) на основе сходства, которое они наблюдают между звуком и чувственно-воспринимаемыми признаками предмета.

Материалом исследования послужила английская детская поэзия Nursery Rhymes, представленная в сборнике английских детских стихов Mother Goose Rhymes («Стихи матушки Гусыни») [3].

На протяжении многих лет русские и зарубежные лингвисты занимались вопросом о соотношении звука и значения (С.В. Воронин, А.П. Журавлев, В.фон Гумбольдт и др.) [1; 5; 2]. Ими было установлено, что звуки могут аккомпанировать смысловому содержанию стихотворения и песни, тем самым, придавая им благозвучие.

Для детской поэзии звукоизобразительность является основным способом передачи ритма, экспрессии и выразительности. Она представлена различными средствами, а именно:

1) звукоподражаниями – неизменяемыми словами, воспроизводящими своим звуковым составом издаваемые человеком, животными, предметами звуки, а также разнообразные явления природы, сопровождаемые звуками;

2) рифмами – звуковыми повторами в конце ритмической единицы;

3) окказиональными звуковыми повторами: аллитерацией – повторением согласных звуков в начале слова; ассонансом – повторением гласных звуков; консонансом – повторением согласного, заканчивающего слово;

3) лексическими повторами;

5) торением начальных букв; эпифорой – повтором конечных звуков; зевгмой (стыком) – повтором конечного звука одного слова; рондо (кольцом) – повторением начального звука одного слова и конечного звука другого;

6) звукоимовизмом – закономерной, не произвольной, фонетически мотивированной связью между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата (мотивом);

7) мужскими (ударение стоит на последнем слоге рифмованного стиха) и женскими (ударение падает на предпоследний слог рифмованного стиха) рифмами;

8) внутренними рифмами, основанными на сочетании ассонанса, аллитерации и слоговых повторов между строками.

Фонетическая структура английских детских стихов Nursery Rhymes зависит от их выполняющих функций, а также, на какую возрастную аудиторию они рассчитаны. В основу проведенного исследова-

ния была положена классификация А.А. Егоровой, согласно которой английские детские стихи Nursery Rhymes подразделяются по жанрам и поджанрам:

- фольклор материнства и детства (поэзия пестования): колыбельные песни; стихи, включающие игровое взаимодействие с ребенком; стихи, вовлекающие ребенка в игру; небольшие сказки в стихах;
- потешный фольклор: небылицы, скороговорки, загадки, пословицы и поговорки;
- игровой фольклор: считалки, жеребьевые приговорки, игровые песни;
- бытовой фольклор: детские песни, заклички, приметы [4].

Фольклор материнства и детства (поэзия пестования) предназначен для детей на начальном этапе их развития. Приведем в качестве примера отрывок известной в англоязычных странах колыбельной песни «Twinkle, twinkle, little star...»:

Twinkle, twinkle, little star,
How I wonder what you are!
Up above the world so high,
Like a diamond in the sky!
When the blazing sun is gone,
When he nothing shines upon,
Then you show your little light
Twinkle, twinkle, all the night... [3, с. 212]

В нем особую роль играют конвенциональные и окказиональные повторы, а также лексическая анафора (повторение одних и тех же слов в строках): twinkle, twinkle...; when. Конвенциональные повторы достигаются за счет употребления звукового повтора в конце ритмической единицы: star – are, high – sky, gone – upon, light – night. Ударение падает на последний слог рифмованного слова, следовательно, в данном отрывке употребляется мужская рифма. Окказиональные и синтаксические повторы встречаются почти в каждой строке:

1. Ассонанс [ɪ], консонанс [l];
2. Аллитерация [w];
3. Ассонанс [ʌ];
4. Ассонанс [aɪ], [ə];
5. Зевгма [zɪ] – [ɪz], консонанс [n];
6. Зевгма when – nothing;
7. Ассонанс [j], зевгма [l];
8. Рондо (кольцо) twinkle – night, консонанс [l].

Кроме того, в приведенном примере употребляется внутренняя рифма: sun – nothing (ассонанс), then – the (аллитерация).

Таким образом, звуковые повторы (аллитерации и ассонансы), лексические повторы и внутренние рифмы служат основными средствами достижения плавности и напевности в колыбельных песнях. На первом месяце жизни они оказывают успокаивающее воздействие на ребенка. Еще не понимая смысла слов, он уже способен адекватно реагировать на мелодию и интонацию маминого голоса. Звуковая экспрессия выступает в качестве средства создания легкого, спокойного настроения.

Подобным образом звукоизобразительность была проанализирована в каждом малом жанре детской поэзии. В результате проведенного исследования было установлено, что в отличие от колыбельных песен в стихах, включающих игровое взаимодействие с ребенком, преобладают альвеолярные и сонорные звуки. Основные приемы звукоизобразительности способствуют легкости усвоения детьми первых слов, придают произведениям четкий ритм, задорность и игривость.

В стихах, вовлекающих ребенка в игру, и в небольших стихотворных сказках главную роль играют звукоподражания и лексические повторы, так как они